

Однажды солидный медицинский журнал заказал мне статью о принципах восстановления психологии личности безвинно убиенных. Интерес к этой теме журнал проявлял всегда: здесь часто публиковались выступления судебных медиков, где вопросы психологии жертв занимали далеко не последнее место. Статья была написана и опубликована. Название я выбрал, пожалуй, экстравагантное: «Медицинские аспекты постмортальной реализации психологического портрета жертв насилия».

В этой работе я отталкивался от теорий Луиса Леона Терстона — американского психолога и психоаналитика, который был одним из инициаторов применения математических методов при психоанализе.

И хотя Терстон дожил почти до середины 50-х годов XX столетия, никому до меня не пришло в голову применить его уникальные математические методы для анализа ошибок поведения, допущенных жертвами непосредственно перед убийством. А я-то (между прочим, первым в старушке-Европе) пришел к следующему вы-

* Избранное из книги Б. Винокурова «Эпилоги любовных приключений». — М.: Издательский дом «Прибой». — 1998. — 446 с.

воду: если бы опытный психоаналитик поработал методами Терстона с людьми, которые в будущем становились жертвами насилия, то они в большинстве случаев как раз такого будущего могли бы избежать: насилие над ними было в известной степени обусловлено ошибками в их поведении.

Поначалу реакция на мою статью была вялой. Одни ученые пожимали плечами: мол, что теперь толковать, как бы можно было предупредить жертву, убийство-то уже произошло! Другие неопределенно рекомендовали со временем ввести в учебные программы кафедр судебной медицины специальный раздел о психопрофилактике для потенциальных жертв насилия. Ну, а правоохранительные органы вообще от статьи отмахнулись: что там фантазировать о присутствии психоаналитика в районных прокуратурах, когда лишней ставки следователя у начальства не выпросишь.

А потом (вдруг!) влиятельная Американская психиатрическая ассоциация перепечатала на английском этот мой достаточно объемный научный труд, сопроводив его хвалебным комментарием. Месяца два спустя я стал популярным: меня приглашали с лекциями различные институты и областные научные общества психологов, а толстый-претолстый отечественный журнал, первым опубликовавший на русском языке эту мою статью, стал ходить в именинниках (вот уж истина: нет пророка в своем отечестве!). И та история, которую я вам сейчас расскажу, тоже явилась отчасти результатом этой статьи.

Позвонил давнишний мой знакомый, работавший одним из руководителей Советского фонда культуры. Фонд в ту пору был не менее влиятелен, чем какое-либо министерство, потому что в патронессах этой общественной (по правовому статусу) организации состояла сама Раиса Максимовна Горбачева. Ее имя придавало фонду культуры особую значимость и здорово помогало в решении всяческих проблем, ибо даже вежливые просьбы фонда расценивались «тертыми» партийными управленцами как обязательные государственные распоряжения.

Излишне говорить, что кадры фонда культуры подбирались наитщательнейшим образом. И человек, мне позвонивший, тоже был фигурой крупной и проверенной: он длительное время состоял в высоком партийном руководстве Пензенской области и по долгу службы «курировал» самобытную культуру этой русской глубинки (надо сказать, не без успеха, поскольку открывшийся при нем пензенский музей художника Савицкого был даже занесен в мировой каталог художественных музеев).

— Слушай,— сановито рокотал в телефонной трубке его голос,— ты тут, говорят, в Америке какую-то статейку в именитом научном журнале «тиснул», так на тебя вот запрос пришел из Чехословакии. Там, понимаешь, какую-то жертву материализовать надо. Из средних веков... И не возражай, не один поедешь, чего бояться?.. Академика с тобой посылаю, специалиста по средним векам, подскажет, если что... Что ты кочевряжишься, когда визы уже открыты?

Телефонная трубка пикала в моей руке короткими сигналами отбоя. Надо было бросать все дела и мчаться в Москву.

Тратить время на оформление всяких формальностей почти не пришлось: тогдашний советский Фонд культуры, повторяю, чиновники привечали.

К концу следующего дня я с попутчиком уже болтался в такт стыкам железнодорожных рельсов в двухместном купе некогда сверхкомфортабельного вагона международного экспресса «Москва — Прага».

Попутчик мой оказался человеком интереснейшим. Назовем его Иваном Ксенофонтовичем. Был он небольшого роста, с опрятной русой бородкой и по-нижегородски мило «окал».

Множество его званий и титулов: доктор исторических наук, академик российский, почетный член нескольких зарубежных академий и прочая, и прочая — плохо вязались с его живым нравом и неудержимой смешливостью.

Казалось, серьезно он относился только к истории средних веков.

— Нет сомнения, голубчик,— с жаром доказывал он, крутя пуговицу моего пиджака,— Россия была бы совсем другой страной, укрепи она в средние века свои торговые связи не с Востоком, а с Западом. Черт дернул думных дьяков в дремучих лесах Московии шапки ломать перед татарской Ордой да перед Византией. Ведь ясно же было, что это, по-нашему говоря, распадающиеся государственные структуры. А Запад в то время жаждал культурных и политических контактов со славянами.

— Конечно, Иван Ксенофонтович, конечно,— ехидничал я, несколько опасаясь за судьбу своих пуговиц.

— Контакты — это прекрасно. Контакты с рыцарями хорошо закрепились в памяти народа русского. Особенно такие, как Ледовое побоище на озере Чудском в 1242 году!

— А дальше школьного учебника Вы ничего знать не хотите? — обижался академик, еще яростнее вертя мою пуговицу.

— Все это писано было после разгрома фашистской Германии и работало на сталинскую идею панславнизма! Если хотите, это и есть перевирание истории. А история помнит еще и средневековую миссию графа Редера, который за добрых два десятилетия до того побоища прибыл к отцу Александра Невского — Ярославу II, великому князю Владимирскому, с проектом договора о вечном мире с землями ливонскими. Да только зазнайство великокняжеское, тупость боярская вместо мира — к войне привели, а не к торговле!

Должен признаться, уважаемый читатель, меня не так легко переспорить, даже когда я неправ или недостаточно знаю предмет,— такой уж у меня характер. Так что, мобилизовав все свои познания по этому вопросу (конечно, почерпнутые из школьного учебника), я изготавился к атаке на академика, но тут... Пуговица, которую немилосердно теребил Иван Ксенофонтович, наконец, не выдержала. Под напором этого аргумента я сдался, иначе рисковал появиться на пражском перроне в расхристанном пиджаке, без пуговиц вовсе.

Пока разыскивали иголку, водворяли пуговицу на свое место, стемнело. Зажегся неяркий свет неоновой лампы под потолком. Заспанный, в меру трезвый проводник принес некрепкий чай в великолепных мельхиоровых подстаканниках. Пожалуй, эти подстаканники были последним напоминанием о некогда отменном сервисе некогда престижного экспресса. За ужином был выпит не только чай, но и несколько рюмок прекрасного кубанского коньяка «Большой приз» — под не менее прекрасные лимоны, заботливо упакованные в дорогу моей дражайшей половиной. И тогда я сказал:

— Иван Ксенофонтович, пора вам все-таки объяснить мне толком, куда мы едем и зачем. Ведь ни в Фонде культуры, ни в консульстве, где отмечали визу, мне ничего вразумительного так и не сказали!

Академик округлил глаза:

— Да неужто? Ну, придется мне вас просветить. Нашим приятным путешествием, голубчик, вы обязаны своей статье о реализации психологического портрета жертв насилия. Прелюбопытнейшая научная статья, должен сказать. А вы знаете, что после американцев ее перепечатали несколько европейских журналов? Среди них был и один чехословацкий. А в поле зрения чешских историков статья попала в связи с проводимыми сейчас исследованиями в знаменитом Духцовском замке.

Я молчал: не хотелось признаваться, что про знаменитый этот замок слышу в первый раз. Академик явно наслаждался моей беспомощностью в исторической науке. А насладившись, прочел мне целую лекцию, которую я постараюсь сейчас пересказать.

Духцовский замок не относится к старинным рыцарским замкам. Он построен гораздо позднее, а знаменит тем, что именно в нем, спасаясь от гнева могущественных монархов Европы, в XVIII веке почти семь лет жил беспутник Джованни Джакомо Казанова, т.е. шевалье де Сенгальт — величайший авантюрист, жуир, эпикуреец и покоритель самых пылких аристократок Италии, Франции, Испании, Австрии,

Венгрии, Чехии, Англии, России, Польши, Богемии... За эти семь лет Казанова написал все двенадцать томов своих мемуаров. И начал писать тринадцатый. Именно на этой роковой цифре, как утверждают исследователи, великого авантюриста и прелюбодея настигла смерть.

И вот что странно. Итальянец по национальности, Казанова почему-то написал двенадцать томов своих знаменитых мемуаров на французском языке. Истинные знатоки его творчества уверяют, что Джованни Казанова все-таки писал на итальянском, а на французский переводила маркиза Аннет — Жанетта Ледью де Катри.

Казанова в Духовце жил затворником, лишь изредка появляясь в обществе — и непременно в сопровождении маркизы (кстати, по свидетельствам современников, красивейшей женщины — длинноволосой жгучей брюнетки с ярко-синими, как васильки, глазами). Так вот, есть предположение, что маркиза Ледью де Катри делала переводы мемуаров Казановы на французский втайне от автора, а затем французский текст пересылала в Версаль Людовику XVI, тому самому, который был осужден Конвентом во времена Великой французской революции и казнен. По свидетельству историков, в обширной личной библиотеке Марии-Антуанетты после ее казни в 1793 году были обнаружены первые четыре тома мемуаров Казановы, переписанных рукой маркизы Ледью Катри.

Эти четыре тома прекрасно сохранились и до нашего времени в одной из специальных библиотек Французской Академии. И по заключению, выданному Академией, стилистика и манера изложения мемуаров позволяют утверждать, что мемуары действительно принадлежат Джованни Казанове и писаны им самим, а не кем-то под его диктовку, и только потом переписаны (или переведены?). Остается согласиться с тем, что маркиза Ледью де Катри действительно переписывала по-французски то, что писал Казанова.

Остальные восемь книг мемуаров Казановы (опять же написанные рукой маркизы де Катри) отыскивались в Вене у Габсбургов, что кажется удивительным лишь на первый взгляд. Ведь Мария-Антуанетта, жена Людовика XVI, которой маркиза де Катри аккуратно отправила первые четыре тома мемуаров Казановы, была дочерью австрийского императора, а Чехия с 1867 года входила в Австро-Венгрию.

Габсбурги долго хранили мемуары Казановы, что называется, под замком. И было почему. Легкомысленный искатель приключений, обольститель и без того не очень стойких сердец многих благородных дам французского, немецкого, русского и австрийского дворов, Джованни Казанова в своих мемуарах выворачивал наизнанку нравы и порядки (мздоимство, прелюбодейство, казнокрадство, пьянство и т.д.) известнейших королевских, царских и императорских домов Европы. Есть свидетельства, что мемуары Казановы хотели выкрасть у Габсбургов две разведки — британская Интеллидженс сервис и немецкая разведка Генерального штаба: до того в этих мемуарах было много компрометирующих высшую знать материалов. Но Габсбурги цепко держали свою добычу. Только в начале XIX века, когда уже умерли многие упомянутые Казановой персонажи, был опубликован сильно усеченный вариант мемуаров. Надо полагать, австрийский двор огреб неплохие денежки: книжки расходились тысячами, и стоили недешево.

А вот с тринадцатым томом мемуаров Казановы никакой ясности до сих пор нет (как, впрочем, и с оригиналом, вышедшим из-под пера самого Казановы). И тринадцатый том мемуаров, и предыдущие двенадцать, написанные на итальянском языке, несомненно, существовали, но исчезли бесследно. Как в воду канули.

Изложив все это, академик посмотрел на меня вопросительно: ну, и как, мол, тебе эта история?

— Занимательная история,— сказал я.— Достойная внимания кладоискателей, лингвистов и историков. Но я-то ведь ни то, ни другое и ни третье! Меня-то зачем тянуть в этот Духовский замок?

— Вы не торопитесь, голубчик, настанет и ваш выход на сцену,— с хитрецей ответил академик.

А дальше мне уж не казалось, что он читает мне лекцию. С лекцией было покончено. Пришел черед детективного романа, сдобренного хорошей дозой «чертовщины». И этот роман Иван Ксенофонтович со всею своей добросовестностью мне переказал...

Казанова никогда бы не приобрел такую широкую славу международного авантюриста, если бы не умел следить и выслеживать. Как написано в полицейских протоколах допросов слуг замка, в 1798 году Казанова все-таки обнаружил, что маркиза де Катри занимается тайной перепиской и отправкой за пределы Духцова замка его мемуаров. К этому времени престарелому обольстителю было за семьдесят, и тридцатилетняя маркиза де Катри (опять же, со слов слуг замка) завела любовную интрижку с уланским офицером, который, по всей видимости, и доставлял ко двору царствующих особ копии мемуаров Казановы. Разъяренный обманом любовницы, Казанова прямо во дворе Духцовского замка убил улана в честной дуэли на глазах у секундантов.

Поутру в замке обнаружили еще два трупа. В длинном коридоре первого этажа, он назывался зеркальной галереей, поскольку был обрамлен сорока восемью громадными венецианскими зеркалами размером в три человеческих роста, упрятанными в сводчатые полугроты,— нашли неверную маркизу Ледью де Катри — в праздничном голубом пеньюаре и с итальянским кинжалом в груди, а в спальне — самого Казанову, тоже бездыханного. Глаза первейшего авантюриста Европы были широко открыты, а почерневшая рука в предсмертной судороге крепко сжимала недопитую чашу с отравленным вином. Так, судя по документам, ушел из жизни знаменитый авантюрист, жуир и прелюбодей Казанова в далеком 1798 году.

Не так давно Духцовский замок поставили на реставрацию. Речь шла не только о покраске-побелке: в замке кое-где подгнили перекрытия, покосились рамы окон, ставни, износилось дерево дверей, расшатались от времени камни внутренних стен. Словом, завезли материалы, пришли рабочие, и...

И на одного рабочего внезапно упал громадный средневековый камень. Второй рабочий сорвался с крыши и, если бы не страховочный пояс, он наверняка бы погиб. Под группой несчастных рабочих внезапно открылся потайной люк, внешне настолько искусно заделанный средневековой кладкой, что, казалось, по этим камням танк проехать может. По счастью, рабочие, свалившись в этот люк, отделались не смертями и переломами рук — ног, а лишь ушибами, синяками и шишками на разбитых головах.

Все эти происшествия сопровождалась какой-то мистикой: то безумным хохотом, гремевшим, как громовые раскаты, то невнятным бормотанием на непонятном языке, а то и появлением призрака маркизы де Катри, движущимся по коридору с венецианскими зеркалами — в том самом месте, где она была убита.

Напуганные рабочие, получившие травмы и увечья, побросали работу и уволились, а новых набрать из-за циркулирующих вокруг замка слухов было просто невозможно.

Реставраторы обратились, что называется, в компетентные органы, которые вроде бы выполнили все, что полагалось: с помощью современной аппаратуры обследовали каждое помещение Духцовского замка. Нашли замурованные ниши со скелетами двухвековой давности, вскрыли их, вычистили; отыскали подземный ход, замуровали его во избежание проникновения посторонних; установили наружную и внутреннюю сигнализацию — в частности, в зеркальной галерее, где, по словам рабочих, бродил призрак маркизы де Катри, поставили электронное оборудование, обнаруживающее движение любого предмета (одушевленного или нет) размером выше десяти сантиметров. В замке стали постоянно дежурить три сотрудника полиции. Казалось бы, и мышь незамеченной проскочить не должна. Но...

В первый же вечер дежурства полицейских над ухом одного из них, мирно отдыхавшего на топчане, придвинутом к глухой стене, раздалось тихое, но внятное бормотание молодого женского голоса, изъяснявшегося на языке, напоминающем староитальянский. В ту же минуту громко закричал другой полицейский, дежуривший на первом этаже. По известному уже нам коридору, обрамленному громадными венецианскими зеркалами, мимо включенных, но молчавших ультрасовременных приборов электронного обнаружения прямо на стражей порядка двигался призрак маркизы де Катри в голубом пеньюаре. Лицо ее было страдальчески искажено, в груди торчал итальянский кинжал с окровавленной рукояткой...

Не совладав с собой, полицейский выхватил табельное оружие и, резко присев, как на учениях, держа обеими руками тяжелую рукоятку армейского револьвера крупного калибра, трижды выстрелил в двигающееся привидение. В ответ раздался сатанинский хохот, призрак не исчез, а двинулся вперед еще быстрее; одна из пуль, срикошетив о твердый камень, попала в ногу полицейскому, он упал на пол, крича от боли и ужаса. Двое других стражей порядка схватили пострадавшего под руки и, полуживые от страха, выскочили во двор замка. В замке продолжало грохотать эхо сатанинского хохота...

Наутро замок опечатали, вновь приехала бригада из компетентных органов. Проверили приборы обнаружения. Выяснили, что приборы исправны. Опросили свидетелей происшествия, пострадавшего, с чем и отбыли. Так до настоящего времени Духцовский замок и стоит опечатанным. Снаружи поставили крепкую охрану. Вот, собственно говоря, и все.

Дослушав историю до конца, я, уважаемые мои читатели, озадачился еще сильнее: меня-то зачем везут в Духцов замок?

— А не надо было статей писать, голубчик, о постмортальной реализации психологического портрета жертв насилия,— академик улыбался.

Я оторопел:

— Мне что, предстоит войти с ней в контакт? Ну, с маркизой де Катри?!

— По крайней мере, мои чешские коллеги на это очень рассчитывают,— серьезно ответил Иван Ксенофонович. Воцарилось тягостное молчание.

— Вы что же, намерены отказаться? — забеспокоился академик.

— Приедем — увидим,— ответил я коротко и подумал, что обязательно сойду с этого проклятого экспресса на российской пограничной станции и куплю билет в обратную сторону.

Минут через двадцать я уже крепко и спокойно спал. До пограничной станции оставалось часов семь, и я успел хорошо выспаться.

Когда проснулся, академик еще мирно посапывал, повернувшись лицом к стене. Я тихонько оделся, взял свой небольшой дорожный кофр и, стараясь действовать как можно тише, выбрался в коридор, аккуратно затворив за собой дверь.

Мы подъезжали к станции. Было еще довольно рано, и пассажиры в большинстве своем спали. Только в конце коридора у окна стояла высокая женщина в светло-голубом костюме, с темными блестящими волосами, спускающимися ниже плеч. Что-то неуловимо знакомое было в ее облике, но я никак не мог вспомнить, где ее видел. В правой руке женщина держала длинный блестящий мундштук серебристого цвета, в него была вставлена дорогая ароматная сигарета, запах которой еле слышно долетал до меня и щекотал ноздри благовониями египетского табака.

«Ну, вот, еще одна брюнетка в голубом! — подумал я, издеваясь над своими недавними ночными страхами. А блестящий мундштук можно легко принять за нож. Хорошо еще, что эта стоит, а не летает. И глаза у нее, наверное, карие... У таких брюнеток большей частью такие коричневые, спелые вишни вместо радужки глаза».

Выглянул первый робкий лучик утреннего солнца. Он весело пробежал по стеклам нашего экспресса, отразился в никелированной ручке ближайшего купе и ударил

женщине в глаза. Спасаясь от солнечного света, она повернула голову, и я оторопел: из-под блестящих черных волос на меня смотрели холодным немигающим взглядом темно-голубые, как крупные полевые васильки, глаза маркизы Ледью де Катри...

В наше купе я ворвался со скоростью хорошо пущенной хоккейной шайбы. Плюхнувшись на свою полку, я замер, обхватив руками кофр. В этой позе меня и обнаружил академик, проснувшийся через полчаса от настойчивого стука в дверь купе.

— Не открывайте! — завопил я благим матом, еще глубже забиваясь в угол.

— Голубчик, это же пограничный контроль,— возразил мне академик и широко распахнул нашу дверь.

Моя полубесшумная речь и затравленный взгляд произвели на сержанта-пограничника не лучшее впечатление. По крайней мере, кофр мой он досматривал с особой тщательностью, а затем попросил снять плащ, пиджак и даже ботинки. Особый интерес у сержанта вызвал мой тюбик зубной пасты, который он сосредоточенно и долго исследовал как со стороны крышечки, так и со стороны жестяных завитушек. Я уже пришел в себя и, когда сосредоточенный сержант, ничего предосудительного не найдя, хрястнул по страничке моего паспорта разрешающим компостером, я проводил его словами:

— Что же вы брюки не заставили снять? — Сержант, естественно, никак на этот выпад не отреагировал.

Все это время мой попутчик глядел на меня с крайним неудовольствием. А я, молча, достал вчерашнюю початую бутылку коньяка, налил полстакана и залпом выпил.

— Ну, хватит,— сказал академик решительным тоном.— Рассказывайте, что с вами случилось.

И я... рассказал. Отнесся он к моим словам неожиданно серьезно.

Встал, пошел к проводнику. Через несколько минут вернулся. Веселый.

— Голубчик, ваша «маркиза» просто Агнесс Млыжечкова. Проводник говорит, что она «челнок». Ну, знаете, как все эти люди, которые туда-сюда возят пользующиеся спросом вещи. Из России в Чехию — оренбургские платки, электробритвы, часы, а из Чехии в Россию — обувь, кофточки, посуду. Эдакий малоуголовный бизнес. Проводник уверяет, что Млыжечкову и в этом экспрессе, и на таможне очень хорошо знают. Контактная особа, оборотистая, абсолютно без комплексов, говорят, не брезгует ни мелкими подношениями «обслуге» экспресса, ни даже интимными связями с пограничной стражей. Кстати, вот, пожалуйста, глядите сами,— академик ткнул пальцем в окно. По перрону шла Агнесс Млыжечкова, весело хохоча с каким-то капитаном-пограничником. Рядом с рослым военным она и впрямь смотрелась маркизой: дорогой шерстяной костюм светло-голубых тонов отлично сидел на умопомрачительной фигуре, где всего женского было в меру. В ту самую меру и пропорцию, что заставляет мужчин (если, конечно, они здоровы) оборачиваться на улице, глядя вслед прошедшей мимо женщине.

То, что «маркиза» оказалась обычной спекулянткой, вернуло меня к реалиям жизни, и я готов был посмеяться над своими ночными страхами. А если в замке что-то нечисто,— думалось мне,— то объяснение наверняка найдется самое простое, без всякой там мистики...

В Духцовский замок чешские коллеги академика доставили нас под вечер. Косые лучи заходящего солнца освещали таинственный замок Казановы. К моему разочарованию, строение совсем не походило на рыцарский замок. Скорее, его можно было сравнить с подмосковной усадьбой графа Шереметева. Основной корпус был двухэтажным со сводчатыми полуовальными окнами, от него по переходам можно было пройти в два трехэтажных строения, симметрично расположенных справа и слева от основного здания. Двор с зеленым травяным ковром замыкала ковкая ста-

ринная ограда с массивными воротами литого чугуна, петли которых были вмонтированы в громадные тумбы из светло-серого камня, увенчивающиеся прекрасными скульптурами, изображающими античных героев. Красная черепичная крыша, ярко-желтая окраска фасада, затейливые решетчатые рамы окон — такое сочетание действовало, пожалуй, умиротворяюще. И уж, конечно, ничего зловещего в нем не было.

Ученые-историки из Чешской Академии наук спокойно продолжали свою работу в замке Казановы, несмотря на слухи о привидениях. Они сказали нам, что с тех пор, как ремонтные работы были приостановлены, никакие призраки не мешали им заниматься наукой. По крайней мере, как нам рассказал профессор Густав Стражек, он несколько недель абсолютно беспрепятственно работал со своими помощниками над манускриптами в библиотеке замка, и, засиживаясь допоздна, возвращался ночью по известной уже нам зеркальной галерее, но никаких привидений — ни ходящих, ни летающих — ему не встречалось.

Честно говоря, я бродил по Духцовскому замку с каким-то двойственным чувством. С одной стороны, не было оснований не верить словам рабочих и полицейских, видевших призрак «дамы в голубом». С другой стороны, я понимал, что кому-то реальному, живому и теплому, зачем-то потребовалась эта мистификация. Можно, например, ряженую в голубое куклу пустить «летать» по проволоке, протянутой в зеркальной галерее первого этажа. Но приборы? Они немедленно подняли бы такой вой (по типу сирен воздушной тревоги), что любым призракам стало бы тошно. А приборы молчали. Значит, мимо них ничто живое или мертвое не пролетало и не проходило. Но что же тогда видели и слышали люди?

Целую неделю я занимался тем, что опрашивал свидетелей этих странных явлений. Постепенно сложилась следующая картина:

— до полутора десятков людей либо слышали странные голоса в замке, либо видели призрак маркизы де Катри;

— указанные явления появились только в последние год-два, когда стали постепенно реставрировать помещения замка, до этого о призраках в замке Казановы никто не слышал и их не видел;

— призрак вел себя агрессивно всякий раз, когда рабочие пытались вести капитальные работы (разбирать стены, перекладывать дубовые перекрытия, вскрывать полы), при этом призрак не мешал производить мелкий декоративный ремонт (покраска, побелка) ни снаружи здания, ни внутри;

— наивысшую агрессивность призрака вызывали поползновения строителей заменить черепицу на крыше здания (если помните, один рабочий был даже сброшен вниз, при этом рабочий уверял, что неведомая сила толкнула его снизу, из-под крыши).

Проанализировав все эти странные обстоятельства, я пришел к выводу, что мы имеем дело с каким-то средневековым иллюзионом, и его по неведомым мне причинам устраивают реально существующие, вполне современные люди. Мне удалось убедить в этом и Ивана Ксенофонтовича, и его чешских коллег. Мы решили так: коли кто-то конкретный мешает нахождению в замке людей, значит, у этого конкретного есть в том какая-то корысть. В чем же она состоит? Может, в замке имеются ценные картины, мебель, стоимость которых мы не представляем?

Я посоветовал сделать вид, что мы готовимся вывозить ценности из замка. Подогнали вечером машины, стали таскать туда-сюда наиболее ценные, по нашему мнению, полотна, связки книг из библиотеки, старинные диваны. Таскали до часу ночи, умаялись. Призрак не появлялся. Поутру, отдохнув и все расставив по своим местам, стали думать, как же все-таки вызвать призрак. При этом академик не очень одобрял мои провокации в отношении вызова призрака.

— Ну, вызовем мы его,— говорил он опасливо,— а сами потом куда денемся?

— Никуда деваться мы не будем,— отвечал я твердо, войдя в раж борьбы с неве-

домым,— что сделает вам этот призрак убиенной дамы? Захохочет, налетит? Может, вы, Иван Ксенофонтович, боитесь быть изнасилованным на старости лет?

— При чем тут старость? — обиделся академик.— У меня дед в возрасте 80 лет еще с сельскими молодухами «женихался», а мне всего 64!

— Ну что ж,— заключил я,— так и решим: мое дело — вызвать призрак маркизы де Катри, а ваше — ублажить ее по женской части. Хотя в этом деле будет серьезная трудность.

— Какая трудность? — озадачился академик.

— А Вы в уланах, как ее любовник, не служили... — прыснул я.

Шутки-то шутками, а весь следующий день, предупредив наших чешских коллег о плане вызова привидения, мы с Иваном Ксенофонтовичем, переодевшись в спецовки, усердно изображали подготовку к капитальному ремонту в одной из комнат: стучали молотками, заставили притащить нам раствор и даже выковыряли громадный камень из одной стены. Производили мы все это с нарочито большим шумом, треском и стуком.

Было уже совсем темно, когда мы со второго этажа по гулким ступеням, соблюдая всяческие предосторожности, спускались на первый этаж.

В связи с тем, что нам предстояло преодолеть до выхода из замка зеркальную галерею, приборы слежения, которые когда-то установила полиция в этом месте, были отключены. Из-за дверного проема я осторожно выглянул в сумрак зеркальной галереи. Там никого не было. Мы с академиком неторопливо двинулись вперед.

И только тогда, когда мы находились почти на середине галереи, мне почудился легкий скрип, идущий от стены, будто повернули шарнир или заскрипел хорошо натянутый трос. Боковым зрением я успел заметить, как находившееся от меня справа громадное венецианское зеркало чуть-чуть повернулось вбок, хотя раньше я считал, что оно вмуровано в полугрот. То же самое произошло и с зеркалом, находившимся слева. Внезапно в обоих зеркалах вспыхнуло пламя свечи, а за нашими спинами в конце коридора возник призрак маркизы де Катри — в голубом прозрачном пеньюаре, с бледным страдальческим лицом, на котором резко выделялись темно-голубые, как васильки, глаза.

Призрак внимательно посмотрел на нас, беззвучно воспарил на высоту метров трех, издал страдальческий стон, сжавши обеими руками рукоятку кинжала, торчашую из груди, а затем по всей галерее раздался безумный сатанинский смех. Призрак медленно и беззвучно стал направляться к нам. Иван Ксенофонтович схватил мою руку и попытался увлечь меня к выходу, но я стоял крепко. Привидение было уже совсем близко. Я видел ее бледные руки, горящие глаза, я был готов поклясться, что это глаза живого человека. Я видел эти глаза раньше и узнал их — это были... это были... уже знакомые мне по приключению на пограничной станции глаза Агнесс Млыжечковой.

Стоявший рядом со мной Иван Ксенофонтович вдруг охнул, схватился за сердце и стал сползать на пол. Я подхватил его, а призрак маркизы де Катри, не прекращая адски хохотать, проследовал мимо и оказался у меня за спиной. Я резко обернулся — призрак удалялся, но у призрака не было спины, он удалялся лицом ко мне. И вдруг догадка озарила меня, как тот луч в вагоне экспресса на приграничной станции, ударивший в лицо Агнесс Млыжечковой. И я заорал во все горло, перекрывая сатанинский хохот:

— Млыжечкова, я тебя видел!

Что-то загрохотало в верхних помещениях. Наверху кто-то был. Хохот оборвался. Она... (именно, Млыжечкова!) видела меня. И не только видела, а непостижимым образом могла слышать и наблюдать за моими перемещениями, оставаясь совершенно недостижимой для меня. Наверх! Я стремительно бросился к лестнице, ведущей на второй этаж, споткнулся о выбоину в каменном полу, растянулся, и это спасло мне

жизнь. Буквально перед моим носом внезапно хлопнулся и разлетелся осколками достаточно большой камень, резко выпавший из соседней стены.

Казалось, началось землетрясение. Почти с пятиметровой высоты (а именно такими были стены зеркальной галереи) то там, то здесь падали большие камни, будто чья-то злая воля выталкивала их из стен. Взвалив на себя неподвижного Ивана Ксенофонтовича, я бросился к выходу.

Нет! Это не было бегством. Просто мне надо было попасть на верхние этажи здания, и я вспомнил о пожарной лестнице, которая вела на крышу. Эту лестницу приколотили уже в нашем веке, поэтому древние механизмы, установленные в замке, не помешали бы мне проникнуть наверх. А в том, что я столкнулся с человеком, который лучше меня знал замок со всеми его средневековыми секретами, я уже не сомневался. Мне было предельно ясно, что противник пытается меня запугать, но при этом и сам боится меня. А если боится, то попытается и убить. Что тут же и подтвердилось: едва я высунул голову из дверей, как возле моих ног с ужасным треском раскололась о вековой мрамор ступеней деревянная бадья, в которой еще недавно рабочие замешивали раствор. Я оттащил Ивана Ксенофонтовича обратно в тамбур двери (здесь было безопасно) и, слегка похлопав академика по щекам, привел его в чувство. Иван Ксенофонтович открыл глаза и громко чихнул.

— Что это было, голубчик? — слабо спросил он.

— Где болит? — в ответ спросил я.

— Не беспокойтесь, голубчик, — уже яснее ответил академик и сделал попытку встать.

— Отсюда — ни шагу! — рявкнул я полковничьим басом на бедного академика и, вспомнив навыки, приобретенные на полузабытой уже срочной военной службе, короткими перебежками добрался до пожарной лестницы.

Уже взбираясь на крышу по железным ступенькам, я бросил взгляд на главный корпус замка Духцов. Луна, всюю сиявшая над замком, ярко освещала силуэт человека, стоявшего на крыше у большой трубы. Скользя по черепице, я двинулся навстречу неведомому противнику. Человек, стоявший у трубы, внезапно прижался к ней и... бесшумно исчез. Тяжело дыша от непривычной физической нагрузки и волнения, я все-таки добрался до этой трубы. Оперся на нее — и вдруг почувствовал, что труба поворачивается вокруг своей оси. Открылся довольно большой лаз.

Каменные ступени вели вниз, на чердак. Соблюдая максимум осторожности, я спустился. Моим глазам открылась большая комната, обитая чем-то мягким, наощупь похожим на шелк. Чиркнула спичка, в дальнем углу комнаты загорелось тонкое пламя свечи, из полутьмы стало проступать лицо маркизы де Катри. Шаг вперед — и вот уже передо мной в голубом прозрачном пеньюаре стояла молодая, красивая, почти нагая женщина.

— Ну, что же вы стали, мой рыцарь? — услышал я достаточно мелодичный голос, изъяснявшийся с заметным акцентом на русском языке. — Проходите, мой смельчак, мы будем ужинать.

Это было так неожиданно, что я подчинился. Женщина взяла большой бронзовый подсвечник, вставила туда пять массивных свечей и, ничуть не торопясь, зажгла каждую из них. Я смог более внимательно рассмотреть комнату. Чего тут только не было! Картины, кубки, фолианты, старинные рыцарские доспехи, шпаги, эфесы которых были богато украшены камнями, кремниевые пистолеты — все это было тщательно протерто и расставлено на стеллажах, развешано на стенах. Передо мной стоял небольшой мраморный столик, инкрустированный драгоценными минералами различного цвета. Женщина, ничуть не смущаясь своей полуприкрытой наготы, поставила на этот стол два кубка, налила из глиняного сосуда темно-вишневое вино. Заметив мой взгляд, расхохоталась:

— Это не есть отравленное вино, которое пил Казанова перед смертью, — сказала

она, премило коверкая русские слова и путая падежи.— Это вино из прекрасных вишневых садов моей родины — Венгрии.

— Значит, маркиза де Катри...— начал я.

— Да,— кивнула женщина,— моя далекая прародительница, которую вы называете маркизой де Катри. В действительности она была дочерью малоземельного венгерского крестьянина. Затем ее похитил владетельный барон Дьюлаи: настоящий мужчина, храбрый, сильный, богатый, могущественный. Он привез ее ко двору императора Австро-Венгрии, где ее почему-то приветила дочь самого императора Мария-Антуанетта — будущая королева Франции. Барон Дьюлаи вскоре погиб в каком-то сражении, а моя прародительница направилась в Версаль — в свите будущей французской королевы. Позднее она выпросила себе через Марию-Антуанетту титул маркизы, что было нетрудно: король Людовик XVI, говорят, обожал жгучих брюнеток с голубыми глазами. В знак признательности к погибшему мужу маркиза сохранила в своем имени приставку «дью», а «Ле Катри» было взято от названия маленького местечка рядом с Венсенским замком, где Людовик XVI впервые насладился прелестями моей обворожительной прародительницы.

— А как же Казанова? — спросил я.

— А Казанова как раз обрелся тогда при французском дворе. И, по слухам, совратил Марию-Антуанетту. Рассерженный король потребовал от своей супруги удалить за пределы Франции этого скандального потрошителя царственного алькова. Мария-Антуанетта на ссылку Казановы согласилась, но при одном условии: с ним отправится новая фаворитка короля — маркиза Ледью де Катри! На том мирно и порешили. Мария-Антуанетта написала своему царственному батюшке слезное письмо, а тот определил место пребывания Казановы: задворки Австро-Венгрии, захолустный Духцов. Кстати, именно об этом и пишет в своем тринадцатом томе мемуаров сам Казанова.

— В тринадцатом томе? — вскричал я.— Но их же известно только двенадцать!

— Ах, нет, мой милый друг,— ответила женщина.— Маркиза де Катри незадолго до смерти все-таки успела переписать неоконченный тринадцатый том мемуаров Казановы, где и описаны все эти события. И даже отправила — но не к венскому двору, а в принадлежащее ей поместье барона Дьюлаи, где воспитывался ее сын — мой будущий прадед. Причем, маркиза отправила не только последний неоконченный том мемуаров Казановы, но и план Духцовского замка с подробным описанием тайников, ловушек, подземелий, тайных кладов и всей чертовщины, которую великий иллюзионист Казанова создавал для легковых.

— Значит, призрак дамы в голубом создан еще Казановой? — удивился я.

— Нет,— расхохоталась женщина,— призрак дамы в голубом создан мной, Агнесс Дьюлаи. Мльжечкова я по мужу. Кстати, Вацлав Мльжечков благопристойно служит неприметным чиновником в местном магистрате и ничем, кроме пива, не интересуется. Замуж за него я вышла только для того, чтобы быть поближе к Духцовскому замку, план которого с пометками самой маркизы де Катри перед смертью вручила мне бабушка.

— Но для чего же вам был нужен этот план? — спросил я.

На лице женщины промелькнуло разочарование:

— Боже мой, неужели вы, такой храбрый и представительный мужчина, понимаете не больше, чем мой муж? План замка, который прислала с таким трудом маркиза де Катри, таит в себе несметные богатства. Здесь драгоценностей — на десятки миллионов долларов! Неужели вы думаете, что я, как обычный «челнок», вожу в Россию дрянную обувь и дешевые кофты?

— Но если вывозить ценности, то не выгоднее ли — на Запад, а не в Россию? — заметил я.

— Я пыталась,— вздохнула Агнесс Дьюлаи.— Но в Германии полиция стала за-

давать много вопросов, а в Англии вообще не попасть на аукцион без предварительной заявки в каталог. Другое дело — Россия. Ваши новые богачи сегодня гребут все подряд и платят хорошие деньги. Камни, старинное оружие, книги, чеканные кубки... Они плохо во всем этом понимают. Да и провезти к вам, в Россию, под видом «челнока» можно хоть все сокровища мира. Вы же сами видели меня на таможене. Улыбнусь одному, подарю безделушку или бутылку второму, пересплю с третьим — вот и провезу ценностей на пару миллионов долларов. А теперь я хочу вам показать свое богатство.

— Покажите фокус с зеркальной галереей, — попросил я.

— Нет ничего проще, — согласилась Агнесс. — Откройте это небольшое слуховое оконце, оно ведет как раз в зеркальную галерею. Теперь поставьте сзади себя свечу — так, чтобы ее свет падал на зеркало, вмонтированное в потолок этой комнаты, затем вращайте медленно вот это колесо, оно системой тросов связано с устройством, поворачивающим поочередно венецианские зеркала в зеркальной галерее. Так, теперь начинайте двигаться. Сейчас ваше изображение как бы идет по зеркальной галерее. Ну, а если чуть-чуть повернуть отражатель, то Вы будете лететь по воздуху.

Повернуть отражатель я не успел: внизу раздался истошный крик.

— Вот видите, Ваш напарник уже увидел Вас, — сказала Агнесс. — Вы даже можете сказать ему несколько слов через вот эту систему слуховых труб, только говорите потише, иначе вы на него наорете громовым голосом.

Я поднес ко рту какое-то устройство, напоминающее современный мегафон, соединенное полый деревянной трубкой из бамбука прямо со стеной.

— Ну, говорите же скорей, — теребила меня Дьюлаи.

— Успокойтесь, Иван Ксенофонович, я скоро приду. Со мной не приключилось ничего плохого, — сказал я как можно тише в своеобразный бамбуковый микрофон.

Агнесс властно закрыла своей рукой слуховую трубу.

— Теперь время общаться со мной, — сказала она каким-то неестественным томным голосом. — Теперь я покажу вам главное сокровище этой комнаты — кровать для любовных игр самого Казановы.

Она подвела меня к какому-то странному, жесткому топчану, стоявшему впритык к стене.

— Ложитесь же скорее, — произнесла она. — Я знаю еще много секретов Казановы.

Я продолжал стоять, беспомощно озираясь. Предаваться любовным утехам с женщиной, которая получасом раньше чуть не отправила меня к праотцам, да еще проделывать с ней разные любовные штучки на ложе самого Казановы — не чересчур ли?

Увидев мои колебания, Агнесс решительно распахнула голубой прозрачный пеньюар, и предстала передо мной нагая: литая упругая молодая грудь, беломолочный атлас кожи стройных бедер... От неожиданности я попятился, зацепился за ножку топчана и с размаху шлепнулся на него всем весом.

Топчан в ту же секунду резко перевернулся, открылся люк, и я полетел в пустоту.

Перед тем, как потерять сознание, я услышал где-то совсем близко завывание полицейских сирен...

Я пришел в себя от того, что кто-то хлестал меня по щекам. Очень болела голова, но веки, к моему удивлению, открыты мне все-таки удалось.

На мне почти сидел Иван Ксенофонович и, трясая академической бородкой, пытался привести меня в чувство. Я прервал его варварский метод оказания медицинской помощи, сел и стал оглядываться. Кругом сновали полицейские, пожарные и коллеги Ивана Ксенофоновича. Вне себя от радости, академик почти плакал, стискивая меня в объятиях:

— Ой, Господи, жив, ой, Господи, жив! — повторял он поминутно.

— Погодите, Иван Ксенофонович,— прервал я его лепетание.— Откуда все эти люди?

— А телефон зачем, голубчик? Я позвонил сразу всем, кому мог. Вот только карета «скорой помощи» где-то задержалась.

Мимо нас два полицейских провели Агнесс Дьюлаи, замотанную в какую-то простыню. Руки ее были в наручниках. Она ненавидяще посмотрела на меня своими прекрасными темно-голубыми глазами и процедила, едва разжимая тонкие злые губы:

— Не убила все-таки... А жаль!

* * *

Насколько мне известно, приговор гражданке Чехии Млыжечковой до сих пор не вынесен: следственные органы Чехии и России не могут установить точно количество похищенного. Как только следствие вроде бы движется к завершению, так Млыжечкова «внезапно вспоминает» историю с еще одной проданной в России вещью из замка Казановы. Вновь начинаются розыски покупателей, очные ставки, экспертиза похищенного и так далее. На что Агнесс надеется, когда тянет таким образом время, я не знаю.

А фокус с привидениями в зеркальной галерее Духцовского замка теперь показывают туристам. От желающих нет отбоя...

Не верите — поезжайте в Духцов и спросите. Можете даже сами посмотреть. Лично я — пас: насмотрелся.

